

• большая детская библиотека •

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

ЗВОНИТЕ И ПРИЕЗЖАЙТЕ!..

Повести для детей

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А48

Рисунки на обложке и титуле *Н. Кондратовой*

Алексин, Анатолий Георгиевич.
А48 Звоните и приезжайте!.. Повести для детей / А. Алексин; худож.
Н. Кондратова. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 414, [2] с. : ил. — (Большая детская библиотека).
ISBN 978-5-17-147134-7.

Анатолий Георгиевич Алексин (1924–2017) – знаменитый русский писатель, прозаик, драматург и сценарист, лауреат Государственной премии СССР и международных премий.

Повести А. Г. Алексина поднимают важные темы: дружбы и предательства, любви и разлуки, взаимопонимания с родителями, сверстниками и учителями, нравственного выбора и справедливости, – всего того, что составляет мир подростков.

Произведения А. Г. Алексина включены в школьную программу и в программу по внеклассному чтению.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Алексин А.Г., насл., текст, 2022
© Кондратова Н.В., ил., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

**ЗВОНИТЕ
И ПРИЕЗЖАЙТЕ!..**

1. НЕ МОЕ ДЕЛО

Я учусь в той же школе, где когда-то учились мама и папа. Папу почему-то никто не запомнил. А маму запомнили многие. «У нее были прекрасные внешние данные!» — сказала как-то учительница литературы, которая заодно руководит у нас драматическим кружком. И придирчиво оглядела меня. Это было бы еще ничего: за «внешние данные» пока что отметок не ставят. Но оказалось, что и внутренние данные у мамы тоже были гораздо лучше, чем у меня. К примеру, все помнили, что мама никогда не гоняла клюшкой консервные банки и не любила играть в «расшибалочку».

Больше я не знал никаких подробностей о мамином прошлом. Но вот однажды бабушка, которая пришла помочь маме по хозяйству, сказала:

— А Сережа-то стал лауреатом Всероссийского конкурса!

— Какой Сережа? — спросил я.

— Сережа Потапов. Его знают все культурные люди!

— Первый раз слышу. А кто это? — сказал я. И вдруг заметил, что папа взглянул на меня с любовью. А верней сказать, с благодарностью. Я ничего не понял...

И только потом на кухне бабушка объяснила мне, что Сережа Потапов учился когда-то в школе для музыкально одаренных детей и мама любила его, когда была в пятом классе.

Музыкальная школа находится прямо напротив нашей, через дорогу. Если из нашей школы выходит ученик, трудно сразу определить, одаренный он или неодаренный. А если из дверей школы, которая через дорогу, тут уж сразу ясно: идет одаренный!

Мы выходим из своей школы с портфелями, а музыкально одаренные — с футлярами. Сначала Сережа Потапов привлек мамино внимание тем, что его футляр был больше, чем у других, потому что он играл на виолончели. А потом, уже в пятом классе, она его полюбила. Мама, наверное, тоже была одаренной, потому что я вот хоть и учусь в шестом классе, но еще ни разу никого не любил.

— Да, Сережа далеко шагнул! — сказала за ужином бабушка.

И папа закурил в комнате, хотя обычно выходил для этого в коридор или на кухню.

— Ну что ты?! Это такое далекое прошлое... Это глупое детство! — сказала мама. И рассмеялась. Ей было весело. А папа за весь вечер ни разу не улыбнулся.

— Далеко шагнул! Далеко!.. — повторяла бабушка, убирая посуду.

Бабушка очень любила нас воспитывать. Но делала это как-то по-своему.

«А сын моей соседки научился варить суп», — говорила она, и я должен был понять, что мне тоже не мешало бы этому научиться.

«А Коля, который вместе с тобой кончил медицинский институт, стал заведующим отделением», — сообщала она папе. И папа должен был сделать вывод, что ему тоже не мешало бы стать заведующим. «Да, Сережа далеко шагнул!» — эта фраза должна была подсказать папе, что и ему пора было уже куда-то шагнуть.

Два года назад мне удаляли гланды. «Чепуховая операция!» — говорили все. Но я как-то этого не почувствовал... Хирург, который их удалял, казался мне удивительным человеком. Он причинял мне ужасную боль, и я должен был бы его ненавидеть, а я относился к нему прямо-таки, как говорят, с восхищением. Со страхом и восхищением! И трудно мне было представить, что он снимет свой белый халат, свои резиновые перчатки и станет таким же, как все. А может быть, даже пойдет в буфет...

Папа делает операции почти каждый день. И может быть, каждый день кто-то смотрит на него так же, как я смотрел на того хирурга.

— Тебе когда-нибудь делали операцию? — спросил я у бабушки.

Оказалось, что ей за шестьдесят лет не сделали ни одной операции! Разве она могла как следует оценить папу?

— Добиваются же люди таких успехов, как Сережа Потапов! — причитала бабушка, уже натягивая пальто.

— Вот когда у тебя опять будет приступ мигрени, — сказал я, — вызывай не врача, а этого своего... виолончелиста! Пусть он тебе поможет!

Перед самым сном я чистил зубы в ванной комнате и вдруг услышал, как мама сказала папе:

— Это смешно... — Ей все еще, в отличие от папы, хотелось смеяться. — Ну несерьезно, честное слово. Это же было в пятом классе!

— Началось в пятом... — тихо сказал папа. И я почувствовал, что рука его снова полезла в карман за папиросами.

Я, как говорят, содрогнулся.

Значит, только началось в пятом классе? Интересно, а в каком кончилось? Хорошо, если в шестом. А если в седьмом или даже в девятом?

«Ведь папа учился с мамой в одном классе, — рассуждал я. — А школа для одаренных, как и сейчас, была через дорогу. И папа, значит, был свидетелем их любви. Как же он, бедный, переживал! А если он и сейчас страдает?»

Надо было что-то предпринять. Но что? Разве я мог с кем-нибудь посоветоваться?

К примеру, если бы я посоветовался с бабушкой, она бы сказала: «А сын моей соседки никогда не вмешивается в дела старших!»

Может, это действительно было не мое дело? Может быть...

Через несколько дней, собираясь в школу, я услышал в программе передач, что Сергей Потапов будет выступать вечером по телевизору. К счастью, кроме меня, этого никто не услышал.

Вечером, за четверть часа до концерта лауреатов

Всероссийского конкурса, я уселся делать уроки в той комнате, где стоит телевизор.

— Завтра контрольная! — сообщил я. И все стали передвигаться на цыпочках.

Еще через неделю я обнаружил, что Сергей Потапов собирается выступать по радио. За пятнадцать минут до его выступления я разложил тетради на кухне, где у нас стоит радиоприемник.

— Завтра снова контрольная! — сказал я. И приемник молчал весь вечер.

Но Сергей Потапов продолжал преследовать нашу семью!

Как-то, возвращаясь из кино, я увидел афишу с его портретом на том самом месте, где мама и папа каждое утро садились на трамвай. Сперва я хотел сорвать афишу и уничтожить ее. Подходил, примерялся, прилаживался... Но все-таки не сорвал.

Вернувшись домой, я стал убеждать своих родителей, что ездить на троллейбусе гораздо удобнее, чем на трамвае.

— Но троллейбусная остановка так далеко, — возразил папа.

Ах, если б он знал!

— Я проведу вас проходными дворами, и вы увидите, как это близко. Совсем рядом! — сказал я.

— В проходных дворах всегда бывает темно и опасно, — вмешалась бабушка. Как будто она нарочно хотела столкнуть маму лицом к лицу с ее прошлым!

Утром я повел маму и папу проходными дворами.

— Вот видите, как удобно, — говорил я. — Со всем близко! И вы садитесь на современный вид транспорта... Правда, не на метро, но по крайней мере и не на трамвай! И еще одно преимущество. Мы вместе идем почти до самой моей школы!

Вообще-то мне не хотелось, чтобы мои родители каждое утро прямо у всех на глазах провожали меня, шестиклассника, в школу. Но теперь я был готов абсолютно на все! И я уводил их от афиши с портретом...

Конечно, мама могла увидеть эту афишу и где-нибудь в другом месте. Но тут уж я ничего поделать не мог!

Еще через несколько дней я сообщил:

— Мы писали сочинение на тему «Кем быть?». И представьте себе, почти все ребята хотят стать врачами! Почти все... Не летчиками, не водолазами... не виолончелистами, а врачами! Учительница сказала, что в этом нет ничего удивительного. Самая благородная профессия в мире! Хотят лечить, исцелять, спасать...

Как-то в воскресенье я привел к нам домой своего приятеля Ваську Паганини.

Паганини — это, конечно, прозвище. Васька играет на скрипке и учится в школе для одаренных.

— Ты любишь Сергея Прокофьева? — спросил я у Васьки, когда вся наша семья была в сборе.

— Еще бы! — ответил Васька.

— А Сергея Рахманинова?

— Кто же его не любит?

— А Сергея Потапова?

— Не знаю такого...

— Ни разу не слышал? Подумай как следует! Вспомни...

— Нет, о нем я не слышал. А почему ты интересуешься именно этим... как его фамилия? Почему? — удивлялся Васька так естественно, будто мы с ним не репетировали эту сцену в ванной комнате пятнадцать минут назад.

— Ну уж если Паганини его не знает! — воскликнул я и обвел взглядом всех членов нашей семьи.

Но мамино прошлое не сдавалось, не отступало!

Однажды по почте пришли сразу две открытки из нашей школы. Я вообще не люблю, когда моим родителям из школы присылают открытки. И как-то нечаянно прочитал... На этот раз речь шла не обо мне. Маму и папу приглашали на традиционный «объединенный» вечер выпускников сразу двух школ: нашей и музыкальной. Приглашали заранее, за неделю, и просили сообщить о вечере всем бывшим одноклассникам, о которых они что-нибудь знают.

Я сразу понял, что там будет присутствовать Сергей Потапов. «Вечер устраивают для того, чтобы доставить бывшим ученикам радость, — рассуждал я. — Но какую же радость испытает мой папа, если у мамы возникнут разные воспоминания? А они обязательно возникнут... хоть на минуту. И папа будет курить, не выходя в коридор...»

Я спрятал открытки. Сунул их в свой портфель.

Первое, что я увидел в школьном вестибюле, было огромное объявление о традиционном «объ-

единенном» вечере. Внизу черным по белому было написано: «В художественной части выступит лауреат Всероссийского конкурса С. Потапов».

«Так, понятно... — подумал я. — Значит, он будет у всех на глазах демонстрировать свое искусство. Ему будут аплодировать. А папа продемонстрировать свое искусство у всех на глазах не сумеет. Ведь не сможет же он прямо на сцене вырезать кому-нибудь аппендицит! Или, точнее сказать, аппендикс...»

Я раскрыл портфель и запрятал открытки поглубже.

На следующий день после традиционного вечера учительница литературы, которая так хорошо помнила о маминых внешних данных, спросила:

— А почему не было твоей мамы?

Спросила так, будто папы у меня вообще нет. Я вопросительно развел руки в стороны.

Я давно уже знал этот способ: когда не хочется врать, не хочется говорить «да» или «нет», надо вопросительно развести руки в стороны. Пусть думают что хотят!

В тот же день мама, вернувшись с работы, вошла в комнату прямо в пальто. Когда она так стремительно, не задерживаясь в коридоре, проходит в комнату, я знаю, что ничего хорошего ждать не следует.

— Нам с папой ничего не присылали из школы? — спросила она.

Я попытался неопределенно развести руки в стороны. Но она повторяла:

— Нам ничего не присылали?

— Что-то, кажется, было, — ответил я.

— Как это «что-то»? Ты не помнишь, что именно?

— Ах да! Вспомнил! Вам прислали открытки. Я их по рассеянности сунул в портфель. В тот день была контрольная работа, и я как-то...

— Что, у вас теперь каждый день контрольные работы?

— Не каждый... Но довольно часто. А вот и эти открытки... Пожалуйста!

Я протянул маме открытки. Но она даже не взглянула на них: она не могла оторвать глаз от меня!

— Что же ты натворил, если так боялся нашего появления в школе?!

— Ничего я не натворил. И не боялся. Я просто забыл, и все.

— Но ведь там, говорят, висело объявление!

— Я на него как-то не обратил внимания...

— Забыл! Не обратил внимания! Это хуже всего. Потому что говорит о твоём равнодушии. Оно меня убивает! Неужели ты не понимаешь, какое удовольствие доставила бы мне встреча с друзьями? Которых я не видела столько лет!..

Мама, не снимая пальто, даже не расстегнув его, тяжело опустилась на стул.

— Ну хорошо... Мне ты не пожелал доставить радость. Но подумал бы об отце! Неужели и он тебе безразличен?

Что я мог ей ответить?

К счастью, в этот момент в комнату вошла бабушка и сказала:

— А сын моей соседки опять получил пятерку. И научился варить компот!